

DOI: 10.31857/S241377150012299-1

Социо-культурная мотивация и семантическое развитие латинских дублетных заимствований в древнеирландском: *семья*

© 2020 г. Т. А. Михайлова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкознания
Российской академии наук,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
tamih.msu@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 16 мая 2020 г.

Дата публикации: 31 октября 2020 г.

Резюме. Появление в древнеирландском латинских заимствований традиционно связывается с христианизацией и распространением монастырской культуры, но это не совсем так. Существует относительно ограниченный пласт латинских лексем, перешедший в ирландский посредством более ранних контактов с романизованной Британией. Их, как правило, отличает особая фонетика, демонстрирующая более архаический срез языка рецептора. В работе затрагивается проблема семантических изменений латинских заимствований в рамках ирландской культуры и делается попытка их мотивации. Автор предлагает схему “семантического сдвига”, базирующуюся на изначальной, скрытой, полисемии в языке-доноре. В центре исследования находится понятие “семья”. Лат. *planta* дает в др.ирл. *clann* ‘семья, потомки’, в то время как в более позднем заимствовании *planta* > *planda* сохраняется значение ‘отросток, растение’. Лексема *clann* вытеснила устаревший юридический термин *fine*, покрывавший группу из четырех поколений, восходящих к одному предку по мужской линии. В ранних свидетельствах можно найти такие значения *clann*, как ‘поросль, потомки, отростки’, однако позднее кристаллизуется значение “дети по отношению к родителям”. Затем в классическом древнеирландском вновь происходит заимствование лат. *planta* в значении ‘поросль, растение’, которое затем самостоятельно развивает значение ‘потомство’ с опорой на универсальную и имплицитную семантику фертильности (как в языке-доноре, так и в языке-рецепторе). Отсутствие автохтонного термина для обозначения собственно “семьи” побудило ирландский язык вновь обратиться к латыни как языку-донору: так было заимствовано слово *monasterium* в значении ‘домочадцы, семья’, а также шире ‘население’. В новоирландских диалектных формах языка фиксируется также англ. заимствование *faimili* для обозначения семьи в узком смысле слова.

Ключевые слова: гойдело-бриттские контакты, Поздняя Империя, заимствования, семантическая деривация, термины родства, дублетные заимствования, метафора, рекурсивные семантические сдвиги.

Для цитирования: Михайлова Т.А. Социо-культурная мотивация и семантическое развитие латинских дублетных заимствований в древнеирландском: *семья* // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 5. С. 87–97. DOI: 10.31857/S241377150012299-1.

Social and Cultural Motivations and Semantic Shifts in Latin Doublet Borrowings in Old Irish: a Case of ‘Family’

© 2020 Tatyana A. Mikhailova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
tamih.msu@mail.ru

Received by Editor on May 16, 2020

Date of publication October 31, 2020

Abstract. Latin borrowings in Early Irish and Brittonic are, as usually, connected with Christianization and wide spreading of Latin learning and monastic culture. At the same time, we can find in Irish and Welsh some earlier borrowings due to the Romanization of Brittany. Early borrowings differ by their phonetics. The article deals with the problem of semantic changes of Latin loanwords in Irish and with the motivation of their development inside the Irish cultural space. The author tries to give a pattern of such ‘semantic shift’ based on genetic and potential polysemy that result from a complex interplay of cognitive processes and cultural and social changes. Lat. *planta* gave in OI *clann* ‘family, offspring’, later – ‘children’. In the “Language of the Glosses” (VII–VIII c.) both meanings ‘family’ and ‘plantations, offspring’ are attested. The word did outset Early Irish law-term for kinship – *fine*, which covered descendants through the male line of the same great-grandfather. In Old Irish the word *clann* is used for designation of the children of the same father, but also can have a wider meaning ‘descendants, family’ (in a large sense). Old Irish language borrowed later from written Latin the lexeme *planta* in the form *planda*, with the meaning ‘offspring, plantations’ and with the subsequent development of the meaning ‘descendants, offspring’. The lack in the language semantic field of the denotation of ‘family’ in its narrow sense represented a cause of later borrowing of the Latin *monasterium* (> *muintir*) to describe not only the inhabitants of the monastery, but also a family-group in general. The later borrowing *mainistir* had the meaning ‘abbey’. In Modern Irish dialects the English loa word *faimilí* is also attested that demonstrates the lack of appropriate item on the autochthon Irish mental map.

Key words: Goidelic and Brittonic, Late Empire, loanwords, semantic derivation, kinship terminology, doublet borrowings, metaphor, universal semantic shifts.

For citation: Mikhailova, T.A. *Socio-kulturnaya motivaciya i semanticheskoe razvitie latinskikh dubletnyh zaimstvovaniy v drevneirlandskom: semya* [Social and Cultural Motivations and Semantic Shifts in Latin Doublet Borrowings in Old Irish: a Case of ‘Family’]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 5, pp. 87–97. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150012299-1.

“В течение первых веков после принятия христианства в Ирландии в языке появилось множество латинских заимствований, большинство из которых было в той или иной степени связано с деятельностью церкви” [1, с. 122]. Так начинается раздел о датировке латинских заимствований в древнеирландском К. Джексон — как я понимаю, во многом провокативно. Да, безусловно, распространение в Ирландии христианства, с одной стороны, и монастырской культуры, с другой, неизбежно привнесли в язык массу латинизмов, связанных собственно с деятельностью Церкви и отражающих монастырские реалии: трапезы, смены часов,

скриптории и так далее. Но данными, связанными непосредственно с новой культурой и новой верой, латинизмы в ирландском далеко не ограничиваются, хотя, как это часто и бывает в ходе долгих культурно-языковых контактов, их семантическую мотивированность восстановить можно далеко не всегда.

К. Джексон начинает свой очерк с отсылки к новым реалиям, появившимся в Ирландии в связи с распространением там христианства и монастырской культуры начиная с середины V в. н.э. Но, как пишет он далее, хорошо известно, что новая вера пришла в Ирландию

не благодаря миссии святого Патрика, попавшего туда в 432 г., и даже не с помощью епископа Палладия, посланного папой Целестином в 431 г. Как известно благодаря Хронике Проспера Аквитанского, Палладий был послан папой в Ирландию намеренно и не случайно: “Ad Scottos in Christum credentes ordinates a papa Caelestino Palladius primus episcopus mittitur” (цит. по [2, с. 113]) — “К скоттам, уверовавшим в Христа, приказал папа Целестин отправить епископа Палладия”.

Эта фраза известна всем историкам ирландской церкви, и понятны им и стоящие за решением папы Целестина мотивы: христианство распространялось на Британских островах в виде Пелагианской ереси, окончательно осужденной как раз в 431 г. на Соборе в Эфесе. Осуждение Пелагия содержится в частности в посланиях св. Иеронима, датированных 410 и 415 гг., причем он называется в одном из них “ирландским мужиком”, что можно трактовать и как его ирландское происхождение, и как успешность его миссии в создании общин именно на этом острове (см. подробнее [3, с. 34–35]).

Иными словами, и христианство, и латинское письмо, и даже некий набор священных текстов попали в Ирландию несколько раньше: через романизованную Британию, контакты с которой были достаточно регулярными. Так, известны имена четырех полулегендарных святых, проповедовавших в Ирландии еще до Патрика: Киаран, Деклан, Ивар и Айльбе (см. [2, с. 114]). Более того, по отдельным намекам можно судить, что приехав в Ирландию со своей миссией, Патрик уже нашел в руках некоторых ирландцев какие-то священные книги на латинском языке (см. [4, с. 4]; подробнее о ранней христианизации Ирландии см. [5]).

Таким образом, представляется несомненным, что собственно идея письма была в Ирландии заимствована, поэтому кажется логичным, что и сами лексемы, связанные как с письменностью, так и, позднее, с монастырским бытом и церковью, должны представлять собой вполне мотивированные латинские заимствования. Так, например, глагол “письма”, др.ирл. *scrib-* является заимствованием из лат. *scribo* ‘пишу’, аналогично ряду лексем в германских языках, ср. др.в.нем. *scriban*, др.фриз. *scrīva* (см. другие формы в [6, с. 679], ср. [7, с. 344]).

Однако сказанное далеко не является общим правилом. Как пишет о типологии заимствований М. Хаспельмат, “все языки обладают достаточными креативными ресурсами для того, чтобы создать новые слова для новых понятий” [8, с. 46]. И действительно, наряду с латинским заимствованием в тех же германских языках развиваются для обозначения письма самостоятельные лексемы, базирующиеся на понятии *резать* (предположительно — от техники рунического письма): ср. др.англ. *writan* ‘писать’ при др.исл. *rita* ‘писать, резать’, к общегерм. **writan* ‘резать, царапать’ [7, с. 473]. Вспомним также самостоятельное общеславянское развитие базового “глагола письма” **pъsati-* на базе понятия “пестрый, раскрашенный” (см. [9, с. 430]).

Таким образом, для появления устойчивого заимствования должна быть представлена некая “гипермотивация”, не ограничивающаяся внесением новой реалии или понятия, но поддержанная относительно стабильными и долгими контактами с языком и культурой-донором, а также рядом изменений, происходящих в культуре-рецепторе. И еще более интересными оказываются случаи, когда одна и та же лексема с течением времени заимствуется дважды, порождая при этом так называемые дублетные формы, легко различающиеся фонетически. В истории ирландского языка источником во всех подобных случаях служила все та же латынь, либо в ее британской разговорной форме (или — предположительно — уже проникшая в британский латинская лексема), либо латынь уже средневековая, во многом прошедшая процесс симплификации и функционирующая в основном как текст письменный.

В ряде случаев подобные дублетные заимствования могут быть с относительной легкостью мотивированы. Так, например, обозначение креста как места и способа казни проникло в Ирландию из Британии в форме **croc-* косвенной основы еще до апокопизации и гойдельской лениции (ср. валл. *crog*) и до принятия христианства, а затем в форме *croch* получило значение ‘виселица, казнь; крюк, вешалка’. Позднее из латинского номинатива *crux* развилась новая, также заимствованная лексема *cros* уже со значением ‘крест’ (о сложных семантических взаимодействиях слов *croch* ~ *cros* см. в нашей работе [10]).

Однако чаще появление дублетных заимствований объяснить гораздо сложнее. Можно

было бы, например, сравнить семантические поля раннего заимствования *ortha* ‘заговор, заклинание’, восходящего к лат. *oratio* ‘речь, речевое действие, монолог, выступление’ и более позднего — *oróid* ‘молитва’, восходящего к той же латинской лексеме, но с ее более поздним, развившимся уже в монастырской латыни значением. Но при этом семантическая мотивированность первого заимствования останется, скорее, необъяснимой, поскольку в самом древнеирландском, на первый взгляд, существовало достаточное число автохтонных лексем, обозначающих заговоры, заклинания и другие магические речевые действия. Более того, лат. *signum* ‘знак, знамение’ было также заимствовано в ирландском дважды: в ранней форме — *sén* с семантикой ‘знак, удача, заклинание, пророчество’ (ср. валл. *swyn* ‘благословение, заговор’), и в более поздней — *sigin* ‘знак, символ, крестное знамение’. Наличие соответствующих британских форм предполагает в обоих случаях относительно раннее заимствование, при котором культурой-донором являлась не область христианской метафорики, но религиозные и магические практики Поздней Империи, широко распространившиеся в первые века н.э. в Британии.

Контакты Ирландии с романизованной Британией и, более того, с самими римлянами датируются еще более ранним периодом. Так, хорошо известно свидетельство Тацита, который пишет о том, что уже в I в. н.э. император Агрикола “приютил у себя одного из правивших ее народом царьков, который был изгнан на чужбину внутренним переворотом, и под предлогом дружеского участия на всякий случай держал его при себе” [11, с. 440]. Пишет Тацит также о том, что Гиберния, как называлась она в латинской традиции, хорошо известна римлянам, “благодаря торговле и купцам”, а ее обитатели “мало чем отличаются от знакомых нам по Британии”. О многочисленных находках римских монет и утвари на территории Восточной и Центральной Ирландии пишет и Дж. Мэллори [12, с. 194–198], приходя к выводу, что их изобилие и разнообразие вряд ли говорят в пользу того, что все эти объекты могли быть завезены из Британии, но скорее свидетельствуют о временных римских поселениях на самом острове. Иными словами, контакты ирландцев с романизованными британцами начались буквально в самый момент романизации и не прекращались практически до вывода римских легионов

(условная дата — 409 г. н.э., см. [13, с. 334, 389 et passim]).

Продолжались они и после ухода римлян, в основном — принимая форму кратковременных грабительских рейдов (вспомним, что сам святитель Ирландии — святой Патрик — был в юности похищен “пиратами” из Британии, упоминания о британских рабах и рабынях часто встречаются и в ирландских саговых нарративах). Но такая распространенная точка зрения, описывающая ирландское присутствие в Британии именно как зло, не всегда правомерна. П. Салвей пишет: “В конце IV в. постоянные рейды из Ирландии стали серьезной угрозой” [13, с. 301]. Но угрозой кому они были? Риму — несомненно, но это не означает, что так же воспринимали их и западные бритты, жившие на территории Уэльса и Корнуолла. В книге Ч. Снайдера идея общности кельтских племен высказывается еще более открыто: для него ирландские поселения, возникшие на территории Уэльса, представляют собой результаты последовательных миграций из Юго-Западной Ирландии, причем в период с III до V в. устанавливается нечто в роде “канала культурного обмена”, при котором в Ирландию проникают элементы латинского языка и культуры, а в Уэльс — идея государственности и представители аристократии, в дальнейшем основавшие на территории Уэльса государственные объединения (федерации), во главе их стояли ирландцы, а точнее — выходцы из Ирландии (см. [14, с. 188–191]).

Все эти предварительные замечания призваны показать исторический план, послуживший своего рода фоном как для культурного, так и чисто языкового контактирования между бриттами и гойделами. В частности, это проявилось и в том, что именно из романизованной Британии в Ирландию проникло латинское письмо, о чем свидетельствует и сама древнеирландская орфографическая система, ориентированная на британскую орфографию, причем периода, непосредственно следующего за так называемой первой британской леницей (так, например, знак *t* в слабой позиции ауслота или интервокального положения передавал звук /d/, см. подробнее [15, с. 223]). Как пишет А. Алквист, “мы не можем сказать, когда именно впервые латинский алфавит был использован для ирландского языка, но совершенно ясно, что неверно связывать непосредственно введение латинского письма с христианством” [16, с. 27]. Естественно,

длительные и разнообразные контакты ирландцев с бриттами, причем бриттами — давно и относительно прочно романизованными, бриттами — носителями культуры письма, не могли не сопровождаться процессом заимствований как на письменном уровне, так и в результате устного общения. Поэтому цитата из известного труда К. Джексона о “преимущественно церковном” характере латинской лексики, проникшей в Ирландию, и была названа мною “провокативной”: сам автор, конечно же, понимал, что на самом деле все было не совсем так.

Более того, именно К. Джексона принадлежит ставшая классической (хоть и неоднократно затем оспоренная) классификация латинских заимствований в ирландском, опирающаяся на чисто фонетические принципы, с одной стороны, и четко прослеживающая две группы — ранние и поздние, с другой. Точнее, надо признать, первым на возможность выделения данных групп обратил внимание еще в 1900 г. датский лингвист Хр. Сараув (см. [17]), однако до публикации книги Джексона его наблюдения оставались в основном не замеченными кельтологами. В своей работе 1900 г. Хр. Сараув выделил две группы латинских заимствований в ирландском, которые, согласно их фонетическому облику, принято обозначать как “группа *Cothriche*” и “группа *Pádraig*” [17, с. 3–20]. В основе данного условного обозначения лежит форма, которую в ирландском приняло имя Патрика — лат. *Patricius*¹.

Соотнесение двух выделенных групп латинских заимствований с хронологией собственно ирландских фонетических процессов может уточнить датировки отдельных отмеченных черт, однако в целом дать точную хронологию отдельных заимствований оказывается трудно. Понятно, что слова второй группы были заимствованы уже после начала VI в., когда в ирландском произошли коренные изменения: в первую очередь апокопизация, затем — перегласовки, проникновение в консонантную систему звука /p/ и проч. (см. подробнее об этом [18, с. 30–31]). В указанной работе Д. МакМанус делает очень много конкретных наблюдений и приводит целые списки “гибридных форм”, восходящих либо к косвенным латинским формам, либо диминутивным (типа — *notire* < *notarius* ‘писец’, *chlúm* ‘перо’ ~ *chlúmiu, *caisel* ‘замок’ < *castellum* (dim.) <

castrum), приходя в заключении к выводу, что само выделение групп заимствований вообще лишено смысла. В его рассуждениях, действительно, многое верно, так как кроме собственно фонетических процессов внутри ирландского языка определенную роль здесь сыграли такие факторы, как источник заимствования (непосредственно из латыни или из бриттского), характер латыни (народная латынь или ее книжный, ученый вариант), возможность “поддержки” уже существующей лексемой, близкой фонетически, и т.п. Мы даже можем предположить сосуществование на определенном этапе двух форм, различающихся как на социолектном уровне (ученый язык клириков и разговорная речь широкого населения), так и на уровне территориальных различий. Все же его вывод, что “от традиционного разделения латинских заимствований на две группы следует отказаться” [18, с. 41], кажется поспешным. Речь идет не об абсолютной хронологии, а о некоторых тенденциях, которые в свое время были отмечены скорее верно².

Более того, само наличие “гибридных форм”, как я понимаю, свидетельствует именно о том, что процесс контактов ирландского языка и культуры с языком латинским и латинской культурой, являвшейся и провинциальной культурой поздней Империи, и культурой раннего христианства, представлял собой континуум, а не несколько точечных, разделенных во времени областей засвидетельствованного трансфера. И мы даже можем предположить, что подобных гибридных форм в свое время было гораздо больше, но затем они были упорядочены в рамках семантических полей, куда стихийно размещал их уже язык ирландский. Часть форм была утрачена, и “победила” их дублетная форма, по той или иной причине получившая в новом языковом окружении большее распространение. Но часть дублетов сохранилась.

Одним из наиболее интересных заимствований, казалось бы, совершенно не мотивированных, но при этом получивших широкую известность за пределами собственно гойдельского ареала, можно назвать слово *clann*. Сейчас слово *клан* посредством английского проникло во многие языки и знакомо как в “мафиозном” контексте, так и любителям шотландской экзотики, однако его исходная семантика, точнее значение, которое получила

² Дискуссия о хронологии латинских заимствований была затем продолжена (см. [19]; [20]; [15, с. 42–45]).

¹ См. об этом подробнее в [1, с. 125–148].

эта лексема в древнеирландском (сохраняющееся и сейчас), несколько иное. В классической латыни, в отличие от современных языков-потомков, слово *planta* еще не имело значения ‘растение’, но обозначало скорее “поросль, отросток, который следует посадить” (см. [21, с. 775]). Как пишет К. Джексон, заимствование в форме *clann* из *planta* является показательным для первой группы ранних заимствований одновременно по трем чисто фонетическим причинам:

утрата краткогo *a*;

переход интервокального латинского кластера *-nt-* > *-nd-* (добавим — с последующей ассимиляцией по признаку дентальности > *clann*);

переход латинского *p-* в начале в *k^w-*, а позднее, когда рефлексy и.е. **k-* и **k^w-* слились в один звук, воспринимаемый как /k/, в форму /kland/.

Говоря проще, при переходе из латинского в гойдельский, при посредстве бриттского, лексема претерпела последовательную фонетическую трансформацию: *planta* > *k^wlanda* > *k^wland* > *cland* > *clann* (см. [1, с. 127]). Предположительное бриттское посредничество при заимствовании лексемы в гойдельский подкрепляется наличием в валлийском формы *plentyun* ‘ребенок’, образовавшейся из *plant* (семантика которого в бриттском не ясна) при помощи сингулятивного суффикса *-un* и затем вызванного им вокалического изменения (понижение *a* > *e*). Но, что интересно, в валлийском лексема не образует обобщающей семантики “поросль, отростки, дети по отношению к родителям, потомки”, кроме того, отсутствует она и в бретонском. Таким образом, как мы видим, латинское заимствование в бриттском было, во-первых, локальным ареально и распространилось только в юго-западной зоне бриттских диалектов в начале нашей эры (то есть именно в том регионе, где были наиболее активны гойдело-бриттские культурные контакты); во-вторых, что более интересно, для бриттов этого периода метафорическое обобщение “отростки, ростки” > “дети, потомки” не было семантически актуально. Как можно предположить, это было вызвано достаточно ранним автохтонным образованием *bachgen* ‘мальчик, ребенок’ (из *bach* ‘маленький’), тогда как в ирландском появление лексемы со значением ‘мальчик’ *buachaill* < *bó* + **kol-* ‘коров охраняющий, пастух’ (ср. брет. *bugel* ‘ребенок’

с той же деривацией) датируется довольно поздним периодом — XIV–XV вв.

Таким образом, для раннего периода мы можем фиксировать два разных пути расширения семантического поля “ребенок” в прото-валлийском и в гойдельском. В дополнение к исконному общекельтскому **mak^wos* (гойдельское *macc-*, валл. *map-*) со значением “ребенок, мальчик, сын” в бриттском возникают лексемы со значением “мальчик (по возрасту)”, а также “ребенок” (последнее — на базе латинского заимствования). В гойдельском же сохраняется исконное *macc* ‘сын’, образовавшееся в начале для обозначения “мальчика, юноши” композит *macc óc* букв. “сын молодой”, но зато получает широкое распространение латинское заимствование *cland*, причем — с довольно широкой семантикой: “дети по отношению к родителям (независимо от возраста), потомки, род”. Причем на раннем этапе лексема имеет скорее обобщающее значение “потомство”, и лишь в новоирландском ограничивает сферу употребления значением “дети по отношению к родителям” (см. [22, столбец 217; 23, с. 200]). На раннем этапе в так называемом языке глосс (VII–VIII вв.) можно встретить как употребления заимствования с его исходной семантикой: *plantationis .i. inna clainde* [24, 1, с. 345], так и в значении, закрепившемся позднее в ирландском в качестве основного. Ср., например, древнеирландскую глоссу к “Первому посланию к Коринфянам” св. Павла: *А всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытой головою, постыжает своєю головою*.

К слову “пророчествующая” (*profetans*) автор Вюрцбургских глосс добавил пояснение: *.i. a pridchas dia claind /dia mmuintir/ aliis mulieribus* [24, 1, с. 569] — “которая проповедует потомству другим женщинам”, понимая, видимо, запрет Павла как действующий лишь вне собственной семьи.

В Миланских глоссах на комментарии Иеронима к Псалмам, к стиху 3 Псалма 44 “Ты рукою твоею изгнал народы, а их насадил” к примечанию *tamquam plantatione* ‘подобно посадкам’ дается ирландская глосса: *.i. amal bid claind noclantis airis sonairt atreba ní clantar* [24, 1, с. 212] — “подобно тому, как сажают растение, чтобы посаженное утвердилось прочно”. В области “ботанико-садоводческой” терминологии возникновение семантического комплекса “отростки–поросль–дети” фиксируется довольно часто, однако направление

семантического перехода здесь далеко не всегда можно установить с точностью. Так, например, название словом “детки” отростков луковичных растений, из которых потом развиваются самостоятельные луковицы, как кажется, является несомненно вторичным. То же, наверное, можно сказать и об английском *offspring* ‘отросток’, получившем на базе метафорического расширения понятия значение “потомок”, хотя уже здесь, как кажется, ситуация представляется не такой прозрачной и, наверное, требующей более детального изучения истории употреблений лексемы.

Аналогичное можно сказать и о латинском *fetus* ‘потомок’, в котором Эрну склонен видеть значение “отросток, продукт, фрукт” лишь как позднее и вторичное (см. [21, с. 355]). Образованное от незасвидетельствованного глагола *feō ‘плодоносить’ (в самом широком смысле) лат. *fetus*, предположительно, передавало общую идею фертильности и продуктивности, распространяющуюся как на людей, так и на скот и растения. То есть вновь мы имеем дело со сложным семантическим комплексом, охватывающим достаточно широкое поле и реализующимся в более узких значениях в зависимости от контекста. В то же время в полинезийских языках, например, лексема *uri* означает в первую очередь “отросток, ветка (бананового) дерева” и лишь в маори в ней развилось дополнительное значение “потомок, ребенок”. То же можно сказать и о реконструируемых языках Мезо-Америки, в которых одним и тем же знаком передаются понятия “ребенок, наследник” и “цветок” (причем первое считается первичным)³. Возвращаясь к предположительно дальнейшему семантическому развитию раннего латинского заимствования *planta* > *cland*, мы можем осторожно предположить, что произошедший в островном кельтском сдвиг (“ребенок” в валлийском и “дети, потомки” в гойдельском) мог базироваться на присутствующем внутри лексемы как бы фоновом семантическом комплексе “фертильности”, который в самой латыни реализовался далеко не полностью, но по какой-то причине оказался востребованным в кельтском, причем в основном, также лишь в одном из своих проявлений.

Интересно также, что в псевдоисторическом среднеирландском трактате “Книга захватов Ирландии” предки гойделов, которые

³ Сообщено в ходе личной беседы специалистом в данной области А. Давлетшиным.

якобы прибыли из Испании и все восходили к некоему Милю, никогда не называются *clann Mil*, но *maicc Mil* ‘сыновья Миля’. О чем это может говорить? Либо о том, что не текст, но само предание о родичах, переселившихся из Испании и положивших начало этносу, сложилось на достаточно архаическом уровне, когда заимствование еще не произошло и когда закрепилась за сюжетом формула “сыновья Миля”. В то же время здесь можно увидеть и библейское влияние (а начинается ирландская “Книга захватов” с пересказа легенды о Потопе): традиция “сынов Израиля” и обретения ими родины, с которыми гойделы отчасти себя отождествляли (см., например, [25]). При этом применительно к потомкам более поздних, исторических королей уже употребляется слово *clann*, и оно же фигурирует при описании “потомков Каина” — *clann Chain*.

Можно предположить, что возникновение понятия “дети по отношению к родителям”, появившегося, повторяю, еще до образования специальных лексем с семантикой “мальчик”, “девочка”, “ребенок”, могло быть вызвано разрушением архаической семьи, структуру которой можно реконструировать по данным правовых трактатов. Она называлась термином — *fine* (к общекельтскому *wenyā ‘родство, дружба, любовь’ — см. [26, с. 413], основа также широко засвидетельствована в галльском ономастиконе, ср. — *Veni-caros* ‘семью любящий’ ~ ‘любимец семьи’ < ‘семьи (к семье) любовь (имеющий)’). В древнеирландских законах понятие “фине” объединяло четыре поколения родичей, восходящих к одному предку мужского пола, что предполагало сложную систему совместного владения землей, регуляризацию мести за оскорбление “родича”, систему выплат и компенсаций и так далее (см. об этом подробнее в [27, с. 12–16]; [28, с. 80–83]; о правовых отношениях со свойственниками по браку см. [29, с. 44–46 et passim]). На нижнем срезе поколений, таким образом, в группу “фине” входили троюродные братья и сестры, и это не было расплывчатым представлением о родстве, но очень четкой структурированной социальной единицей, табуировавшей как внутрибрачные связи, так и, что было особенно важно — так называемый *fingal* “убийство родича” (букв. ‘родство–гнев’). Данное преступление считалось настолько страшным, что, например, не только можно было безнаказанно убить человека, его совершившего, но и сжечь его дом, увести скот и убить его жену и детей.

Объяснялось это отнюдь не этическими соображениями, но тем, что убивший человека из одного с ним “фине” нарушал всю систему компенсаций за совершенные преступления. Говоря проще, человек, убивший своего брата, сам же себе должен был отомстить и сам же себе выплачивать компенсацию за нанесенный ущерб.

Как можно предположить, этим отношениям, которые связывали достаточно большую группу людей-родичей, и оказалась противопоставлена более узкая единица — *clann*, дети по отношению к родителям, опирающаяся на систему всего из двух поколений. Однако назвать новое понятие “семьей” мы пока не можем.

Заемствованное дублетное образование *planda* относится к гораздо более позднему времени и предположительно восходит скорее к ученой латыни, чем к англо-норманнскому пласту заимствованной лексики. Основным его значением можно назвать “растение, посадки, отростки”, однако, что интересно, как отмечают составители Словаря ирландского языка, в значении “фигуральном” оно также может обозначать “потомков, отпрысков рода”. Более того, значение “отпрыск” дается у ирландского *plannda* даже в словаре Отца Диннина, отражающем состояние языка на конец XIX в. и учитывающем также диалектные данные и корпус поздней бардической традиции. Например: *plannda den Ghaedheal-fhuil* — “настоящий ирландец” (букв.: “отпрыск гойдельской крови”) [23, с. 845]. Приводится это значение и в Словаре О’Доналла, вышедшем уже в 1977 г., причем дается помета — “возвышенное” и отмечается, что данное употребление лексемы скорее применимо к потомкам аристократов или (!) — красивым внешне молодым людям. Например: *planda de chálín óg* “молодая красотка” (букв.: ‘отпрыск девушки молодой’, см. [30, с. 955]). Предположительно все же, что такие употребления у лексемы *plannda* оказываются семантически вторичными и развившимися изолированно и от латинского оригинала, и от заимствованного дублета *clann*. Основным значением *planda* все-таки отмечается “растение”. Однако приведенная выше идея о широком семантическом поле “фертильности”, в которое оказываются втянутыми обе лексемы, как кажется, подтверждается сложной семантикой и метафорически контекстуальными употреблениями обоих заимствований.

В данном случае представляется уместным привести цитату из труда В.Н. Топорова, посвященную “поэтическому” комплексу моря. Как он пишет, «попытки определения связей между поэтикой и культурой должны ориентироваться прежде всего на некий максимум, в данном случае на “сильные” позиции или формы этой связи, каковые определяются тем общим локусом, который фиксирует изоморфизм двух типов — плана выражения (F) и плана содержания (S), с одной стороны, и плана содержания (S) и плана референционно-денотативной сферы (R), с другой, или, суммируя, общий изоморфизм всех этих трех планов — F, S и R. На поверхностном уровне эта ситуация чаще всего трактуется как элементарная детерминация S со стороны R и детерминация F со стороны S, хотя, разумеется, нельзя забывать о той реальной доле, которую F вносит в S, а S — в R. Во всяком случае необходимо помнить, что референциальная сфера “нема” и “слепа”, поскольку она отчуждена от царства знаковости, если только она не освещена планом содержания, конкретно — теми смыслами, которые выработаны культурой и которые сами ее переформируют и выстраивают» [31, с. 575].

Иными словами, каждое реальное словоупотребление одной из дублетных заимствованных форм, восходящих к одному и тому же латинскому корню, в области невыраженной референциальной сферы имеет и нереализованное в языке-доноре в плане выражения потенциальное семантическое пространство, которое, с одной стороны, и обогащает язык-рецептор (в нашем случае — ирландский), но с другой — возможно, осложняет его понимание уже на нашем уровне. Впрочем, последнее не всегда реализуется, поскольку и “отростки”, и “потомки” входят, как я пыталась показать, в одно семантическое поле и разграничение между ними уже на уровне текстов опирается не столько на референцию, сколько на собственно узус контекстуального употребления. В основе данного семантического перехода лежит, естественно, метафора, уподобляющая в нашем случае отростки — потомкам (или наоборот). В свое время аналогичным образом в знаменитой книге “Метафоры, которыми мы живем” [32] приведена была метафора “денег”, которым уподоблено было время или опять-таки — наоборот. Но, как пишет об этом Е.В. Падучева, скрытая полисемия в данном случае лежит уже не в сфере языка, но в области мышления,

поэтому при сходстве стереотипов возникают и аналогичные уже чисто языковые семантические приращения (см. [33, с. 173], см. также о сходстве и различии между концептуальной и языковой метафорами в [34, с. 76–77]).

Совершенно иная идея “семьи” как некой духовной и отчасти этнической общности оказалась реализованной при помощи другого латинского заимствования — *muintir*, которое считается восходящим к лат. *monasterium* (точнее — к искаженной форме *monisterium*, см. [35, с. 11]; [36, с. 202–203]). В небольшом исследовании Покорного, посвященном истории семантического развития данной лексики, приводятся дублетные заимствования, сосуществовавшие в ирландском лишь в начале христианизации. Так, к искаженной в Британии форме *monisterium* (с позиционной палатализацией *n* и переходом *a > i* в результате традиционной бриттской вокалической гармонизации) он возводит широкое понятие *muinter*, тогда как собственно *monasterium* дало форму *montar*, имевшую более узкое значение “насельники монастыря” или несколько шире — “духовное сообщество” и глоссируемое как *familia* в узком христианском значении.

См., например, из Вюрцбургских глосс к “Посланию к Римлянам” св. Павла: к списку имен “сотрудников” (*auditor*) апостола (Тимофей, Луций, Соципат) ирландский глоссатор дает пояснение: *a montar som inso in fectso* [24, с. 542] — “его сообщество (?) эти люди” (перевод с неизбежностью условен). В то же время форма *muinter*, *munter* также встречается уже в языке глосс. Так, например, фраза из “Послания к Филиппийцам” св. Павла — “...а иначе из Кесарева дома” комментируется глоссой: *i.e. intí gochreti di muntir cessair* [24, с. 653] — “то есть те, кто уверовал из *семейства* (?) Кесаря”. Аналогичных примеров из языка глосс можно было бы привести еще множество.

В дальнейшем лексемы слились фонетически (точнее — палатализованная форма вытеснила более позднюю) и их семантика в значительной степени расширилась. В нарративах *muintir* начинает обозначать семью в самом широком смысле слова, некое ограниченное число лиц, связанных духовным родством, отчасти кровным родством, обычно проживающих на одной территории. В отличие от старого *fine*, которое было в первую очередь термином юридическим, объединяло людей по признаку кровного родства и не могло

включать живущих при доме слуг и рабов, *muintir* вполне допускало такое расширение употребления и предполагало даже включение в понятие домашних животных. Более того, в текстах еще более поздних оно может применяться и к жителям одной деревни и даже быть синонимом обозначения этноса: ср. совр. ирл. *muintear na hÉireann* ‘ирландский народ’.

В среднеирландский период лат. *monasterium* вновь было заимствованно, но уже в значении “монастырь как архитектурный комплекс, аббатство”, поздняя форма — *mainistir*. Ср. современное ирландское название дублинского “Театра аббатства” (*Abbey theatre*) — *Amharclann na Mainistreach*.

Итак, несмотря на наличие целого пучка многочисленных, периодически и разнообразно семантически нюансированных заимствований из латыни, понятие “семья” в узком смысле этого слова так и не получило ни должного покрытия, ни, как можно предположить, достаточного оформления на уровне ментальной карты носителей. А что же автохтонные образования (вспомним Хаспельмата)? Пожалуй, относящейся к данной семантической группе можно назвать лексику *teglach* (совр. *teaglach*), букв. “домашние, домашцы”. Но понятие это расплывчато, отчасти оказывается синонимичным с *munter* и даже получает значение “насельники монастыря”.

Начало XX в. в истории ирландистики было, в частности, отмечено взлетом интереса не к романтической, но к реальной народной культуре. Записанные фольклористами “былички” могли в то же время послужить интересным материалом и для лингвистического анализа. Так, в журнале “*Béaloides*” (1928) в подборке мемуаров о подменышах я нашла интересный пример: *Bhí faimilí thíos i Lios Ceárna, do mhuintir Jess ab ea iad* [37, с. 264] — “Жила семья к югу от Лис Кьярна, они были из людей Джесс”.

Желая противопоставить семью в широком смысле слова семье в смысле узком, включающей жену, мужа и их детей, говорящий оказывается вынужденным использовать английскую лексику. Как можно предположить, “малая семья” как отдельное понятие в архаическом, аграрном ирландском обществе так и не успело сформироваться, когда сам язык поспешил занять позицию “миноритарного”, “малоупотребительного” (*less used*) и “находящегося в опасности” (*endangered*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Jackson K.* Language and History in Early Britain. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1953.
2. *Bieler L.* The Christianization of the Insular Celts. *Celtica*, vol. VIII, 1968, Pp. 112–125.
3. *Bury J.B.* The Origin of Pelagius. *Hermathena*, vol. 13, 1904, Pp. 26–35.
4. *O'Curry E.* Lectures on the manuscript material of Ancient Irish History. Dublin: Four Court Press, 1861 (repr. 1995).
5. *Hughes K.* The Church in Irish Society, 400–800. A New History of Ireland. I. Prehistoric and Early Ireland. Ed. by D. Cryinín. Oxford: Oxford University Press, 2005, Pp. 301–330.
6. *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1957.
7. *Orel V.* A Handbook of Germanic Etymology. Leiden: Brill. 2003.
8. *Haspelmath M.* Lexical borrowing: Concepts and issues. *Loanwords in the world's languages: a comparative handbook*, edited by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Berlin: Walter de Gruyter, 2009, Pp. 35–54.
9. *Derksen R.* Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon, Leiden: Brill, 2008.
10. *Мухайлова Т.А.* *Croch vs cros* 'крест': о латинских дублетных заимствованиях и развитии христианской метафорики в Ранней Ирландии // *Критика и семиотика*, 2019, № 2, с. 9–23. [Mikhailova, T.A. *Croch vs cros 'krest': o latinskih dubletnyh zaimstvovaniyah i razvitiu hristianskoj metaforiki v Rannej Irlandii* [*Croch vs cros 'Cross': to the Latin Doublet Loanwords and Christian Metaphors Development in Early Ireland*]. *Kritika i semiotika* [Critics and Semiotics]. 2019, No. 2, pp. 9–23. (In Russ.)].
11. *Тацит, Публий Корнелий.* Жизнеописание Юлия Агриколы // Публий Корнелий Тацит. *Анналы. Малые произведения.* История. М.: Ладомир, 2001, с. 424–457. [Tacitus, Publius Cornelius. *Zhizneopisanie Yuliyi Agrikoly* [Biography of Julius Agricola]. Tacitus, Publius Cornelius. *Annaly. Malye proizvedeniya. Istoriya* [Annals. Minor Works. History]. Moscow, Ladamir Publ., 2001, pp. 424–457. (In Russ.)].
12. *Mallory J.P.* The Origins of the Irish. London: Thames & Hudson, 2013.
13. *Salway P.* The Oxford Illustrated History of the Roman Britain. Oxford – New York: Oxford University Press, 1993.
14. *Snyder Ch.A.* The Britons. Oxford: Oxford University Press, 2003.
15. *Russell P.* An Introduction to the Celtic Languages. New York: Longman Publishing, 1995.
16. *Ahlqvist A.* Litriú na Gaeilge. Stair na Gaeilge, Maigh Nuad, 1994, ll. 23–60.
17. *Sarauw Chr.* Irske Studier. København: Det Schubotheske Forlag, 1900.
18. *McManus D.* A Chronology of Latin loan-words in Early Irish. *Ériu*, vol. 34, 1983, Pp. 21–71.
19. *Harvey A.* The Significance of Cothraige. *Ériu*, vol. 36, 1985, Pp. 1–9.
20. *Sims-Williams P.* Dating the Transition to Neo-Brittonic: Phonology and History, 400–600. Bammesberger A. and Wollaman A. (eds.) *Britain 400–600: Language and History*. Heidelberg: Anglistische Forschungen, 1990, Pp. 217–261.
21. *Ernout A. et Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1939.
22. Contributions to a Dictionary of the Irish Language, E.G. Quin (ed.), C-1, Dublin: Royal Irish Academy, 1968.
23. *Dinneen P.* Foclóir Gaedhilge agus Béarla – Irish-English Dictionary. Dublin: The Irish Texts Society, 1927.
24. *Stokes W. and Strachan J.* Thesaurus Palaeohibernicus. A Collection of Old Irish Glosses, Scholia, Prose and Verse, Vol. I–II, Cambridge: Cambridge University Press, 1901.
25. *Carey J.* Native Elements in Irish Pseudohistory // *Cultural Identity and Cultural Integration: Ireland and Europe on the Early Middle Ages*, ed. D. Edel. Dublin: Four Courts Press, 1995, Pp. 45–60.
26. *Matasović R.* Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden: Brill, 2009.
27. *Kelly F.* A Guide to Early Irish Law. Dublin: DIAS, 1988.
28. *McLeod N.* Early Irish Contract Law. Sydney: Sydney Series in Celtic Studies, I, s.a.
29. *Kelly F.* (ed.) *Marriage Disputes. A Fragmentary Old Irish Law-Text*. Dublin: DIAS, 2014.
30. *Ó Dónaill N.* Foclóir Gaeilge-Béarla. Dublin: Oifig an tSoláthair, 1977.
31. *Топоров В.Н.* О “поэтическом” комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В.Н. Миф, ритуал, символ, образ. М., Прогресс, 1995. С. 575–605. [Toporov, V.N. *O “poeticheskom” komplekse morya i ego psihofiziologicheskikh osnovah* [On “Poetic” Sea Complex and Its Psychophysiological Basis]. Toporov, V.N. *Mif, ritual, simvol, obraz* [Myth, Ritual, Symbol, Image]. М., Progress, 1995, pp. 575–605. (In Russ.)]
32. *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live by*. Chicago – London, University of Chicago Press, 1980.

33. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva, E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in Lexical Semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. (In Russ.)]
34. *Traugott E.C. and Dasher R.B.* Regularity in Semantic Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
35. *Hessen H.* Zu den Umfrungen der Vokale im Altirischen. ZCP, Bd. IX, 1913, S. 1–86.
36. *Pokorny J.* Zur irischen Wortkunde. ZCP, Bd. X, 2015, S. 198–204.
37. *Ó Dubhda S.* (ed.) Sgéilíní Andeas. Béaloideas. The Journal of the Folklore of Ireland Society. Iml. I, Uimh. III, 1928, Ll. 264–270.